

Игорь ОБРОСОВ

ПОСВЯЩЕНИЕ ЮЛИИ ДРУНИНОЙ

В годы шестидесятичества одним из популярнейших, известных журналов был журнал «Юность». Главный редактор – Валентин Петрович Катаев. Авторитет его был велик и в жизни, и в творческой писательской среде, и в журнале. Им приглашалась лучшая талантливая молодежь – писатели, поэты, журналисты. Блестящая плеяда молодых талантов, тогда еще мало кому известных. Это и Белла Ахмадулина, и Булат Окуджава, и Андрей Вознесенский, и Василий Аксенов, и Фазиль Искандер. И «художники своего стиля» – Павел Никонов, Виктор Попков, Таир Салахов, Илларион Голицын. Они, в большинстве своем, и определили совсем новую стезю творчества, именуемую в дальнейшем «шестидесятники». Много добрых слов можно сказать о журнале «Юность» и о тех, кто работал, формировал смысл журнала, его кредо, и оказывал поддержку молодым.

Сначала в журнале сотрудничал как художник и я, тогда еще молодой выпускник Строгановки. Там-то, в редакции журнала, на Поварской, и состоялась у меня встреча, знакомство с Юлией Друниной, ее супругом тогда, поэтом Николаем Старшиновым. И с тех пор, с того времени и по сей день поэзия Юлии Друниной для меня памятна и свята.

Худенькой, нескладной недотрогой
Я пришла в окопные края,
И была застенчивой и строгой
Полковая молодость моя...

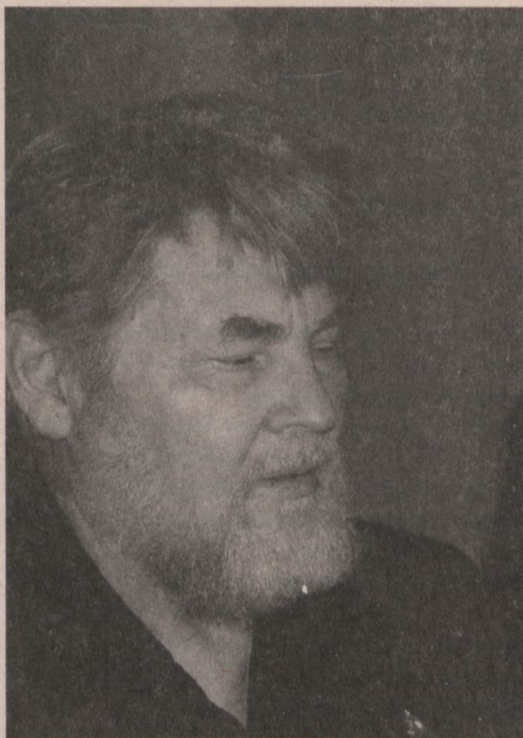
Или:

...Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет,
Где-то в яблонном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый.
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?

По сей пору потрясает меня глубокое чувство чистоты и боли и святости этих простых строк-слов. Вызывает поклонение правда, истинность поэзии Юлии Друниной.

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав.
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

Или:

На носилках около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила.

И бойцы вокруг нее толпятся,
И не могут ей в глаза смотреть.
Восемнадцать — это восемнадцать.
Но ко всем неумолима смерть...

И так получилось, что, написав, нарисовав уже картину «Печаль синих озер», посвященную женщинам, медицинским сестрам Великой Отечественной войны, я понял необходимость обозначить во времени подвиг российских женщин... И подвинула меня на это, в большей степени, поэзия Юлии Друниной. Приблизившись к ее миру, к исповедальности, мое сознание пришло к пониманию, что есть – русские женщины, сильные крепостью своего ума, одержимостью, самоотдачей, самопожертвованием. Женская любовь – матери, жены, сестры... Жертвенность – не по долгу, не по уму, а по сути своей судьбы, обозначенности роли в сложнейшем процессе природы. Рождение, появление человека, спасение его жизни. Оберечь его,

сохранить в момент наивысшего напряжения человеческих сил. Таким экстремальным напрягом была война. И русская женщина пошла на поля сражения защищать свою землю. А ведь ни одна страна в мире не позволяла своим женщинам вот так-то, санитаркой, на полях сражений, под разрывами пуль и снарядов, исполнять свой долг перед родиной. Ни одна армия, ни в одной стране... И только наши женщины исполнили свой обет — своей волей защищать Родину-мать, оберечь и помочь российскому солдату. Таким обетом и долгом совести, моментом духовного посвящения была Великая Отечественная война и для поэта Юлии Друниной.

Семнадцатилетней девочкой она добровольцем пошла на войну, на фронт.

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал,
Ко всему привыкший санитарный взвод.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

Продолжением своей творческой эпопеи, рядом картин, посвященных женщинам медсестрам, опять же навеянным поэзией Юлии Друниной, стали у меня и триптих «Встреча и провожая эшелоны», «Противостояние», «Тишина» (посвящение маме, в то военное время работавшей главным врачом эвакогоспиталя). И в дальнейшем, посвящением светлой памяти сестер-санитарок, женской их судьбе и доле, явился триптих (в двух вариациях) «Женщинам Великой Отечественной войны посвящается», находящийся в собрании Государственной Третьяковской галереи.

И опять мы поднимаем чарки
За не возвратившихся назад.
Пусть могила Неизвестной санитарки
Есть пока лишь в памяти солдат.

Тех солдат, которых выносили
С поля боя девушки России.
Помнишь взрывы, деревень костры?
Где ж могила Неизвестной медсестры?

Явился триптих, как память редкой поэзии дочери России, рожденной велением времени, определившей ее фронтовой поэтический смысл, единственный в своем роде, оставившей нам, потомкам, поэтический памятник Неизвестной медсестры, дочери России. Одна из моих частей триптиха называется «Память земли Тверской» — посвящение Юлии Друниной, с ее четверостишием. Отсюда — колористическое становление, столкновение черного и белого, как противление добра злу. Цвет, как эмоциональное напряжение, для большей убедительности разрешения трагедийного смысла содержания картины. И четверостишие, написанное на картине «Посвящение Юлии Друниной»:

Над Россией шумят крылья похоронок,
Как теперь воробьиные крылья шумят.
Нас в дивизии было шестнадцать девчонок,
Только четверо нас воротилось назад...

Великая скорбь. Дни поражения ушли в прошлое. Пришла Победа, мирная жизнь, с миром в душе, в сердце... Но оказалось, что там, на войне, был враг явный, здесь же, с приходом иных, без духовных свершений, приходит переоценка ценностей. Белое — оказалось черным, правда — ложью, обманом. Падение идеалов духа, нравственности. И это — враг более опасный, чем там, на фронте. Извращение святых идей, во что верилось глубоко и преданно там, на полях сражений, да и в мирной жизни, доверенной. Все рушилось теперь, опрокинулось, перед великим понятием правды факта. Так определил емко А. Твардовский, открывший реалии истории нашего Отечества.

Комсомольск-на-Амуре —
Это тоже привычная ложь,
Комсомольск, Комсомольск!
В нашу искренность нож...

Мы и так, без ГУЛАГА,
Отдавали бы жизнь.
В нас неистовость с отвагой
Запеклись и слились.

Комсомольск-на-Амуре —
Черепами заполненный ров...
Что ты думаешь о БУРе,
Доброволка двадцатых годов?

Обличая тяжкие преступления сталинских репрессий, террора, уничтожившего самое главное — веру в идеалы, право, истину, уничтожившего десятки миллионов, лучшую

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66